

Неизвестный Борис Смелов

Неизвестный Борис Смелов. Куратор выставки Вальран (музей нонконформистского искусства «Пушкинская 10» (20.05.06)).

Гульнара Хайдарова: Ну вот, мы узнали неизвестного фотографа Бориса Смелова, которого представил куратор выставки Вальран (Валерий Козиев) — известный в Петербурге художник, ученый, куратор. Вполне приличный каталог (дизайн Игоря Панина), изданный бореевским арт-центром, с текстом куратора, кратко излагающим творческую биографию Смелова. Память лево-радикального движения, которую сохранила атмосфера музея нонконформистского искусства «Пушкинской 10», соответствует духу творчества фотографа.

На выставке действительно были фотографии, которые мало кто видел. Есть целый ряд отпечатков известных натюрмортов, портретов, пейзажей, есть и сильные, прежде, по крайней мере мне, неизвестные работы мастера. Замечу в скобках, что выставка такого количества неизвестных работ выдающегося отечественного фотографа второй половины XX века должна была бы стать настоящей сенсацией. Ибо трудно в фотографическом мире Петербурга найти художника с такой безупречной репутацией. Поэтому, на первый взгляд, выставка, казалось бы должна радовать всех фотографов и ценителей фотографии. Но это на взгляд первый, а на второй, — что-то, а именно нескрываемое недоумение, переходящее в разочарование и досаду, помешало этому радостному чувству.

Первое замечание имеет общетеоретический характер. Что есть неизвестный известный художник? Если в его архиве находят серии на новые темы, например фотограммы, концептуальная фотография, ню, которые при жизни никто не видел, — пожалуй, я бы согласилась с таким названием, а если даны работы второго и третьего ряда известных серий, то являются ли они неизвестными работами? Возможно это то, что автор считал браком, неудачными работами, которые, будь он жив, никогда и ни при каких условиях не выставил бы.

Второе и, пожалуй, главное замечание этического характера: насколько допустимо показывать то, что автор сам не считал своими состоявшимися работами? Ибо соседство сильных — именно тех, которые и сделали имя фотографу — с откровенно слабыми фотографиями, плохо

отпечатанными, случайными работами, возможно, лишь для внутреннего пользования, снижают не только рейтинг куратора и музея (это их дело), но и, что серьезнее, *вливают на образ* выдающегося мастера. Ведь нет сомнения, что выставки *известного* Смелова, мы не только не разочаровались бы; но, напротив — от выставки к выставке, повторяю, его *авторских* работ, он все более осознается нами как классик отечественной фотографии XX века. Вот как получилось, *хотели показать «Неизвестного Смелова», а показали Смелова в неприглядном виде.*

У меня возник еще ряд вопросов, на которые я не знаю ответов:

1. Кто представляет неизвестного Смелова? Музей? частное собрание? наследники? Ведь у живописцев, например, и фотографов есть своя специфика. Художник плохие работы переписывает. А фотограф нет. У фотографа есть архив (скажите, у кого из современных фотографов его нет?), в котором далеко не все равноценно. И выставлять, а тем более печатать из негативов сегодня — не нарушатся ли здесь право выбора самого художника? Последствия вторжения в лабораторию творчества после «опытов» Элизабет Фёрстер-Ницше известны слишком хорошо.

2. Винтажные ли это фотографии? Я не должна сомневаться. Если это приличный музей, претендующий на статус музея и заботящийся о своей репутации, то он никогда не поставит зрителя в дурацкое положение (конечно если это не тонкий концепт куратора) и честно скажет о подлинности своих произведений. Коллекция магазина, вместо имени коллекционера, который дает фотографии на выставку — вообще-то инстанция неконвенциональная. Магазин может торговать всем.

3. Почему на отдельных листах нет атрибуции. На иных нет даже года. Разыскать, атрибутировать — это необходимые условия добросовестного ученого, труд, ответственность за вводимые в культурный оборот артефакты. Ведь после «эпохальной» выставки «неизвестный» Смелов становится известным, вводится в историю фотографии, историю искусства и культурное пространство в целом.

4. Мне известен случай, произошедший с одним известным петербургским фотографом, которого на улице случайные люди попросили сфотографировать себя на память. Если бы они знали, кто сфотографировал на их «мыльницу», то ведь могли гордо говорить, что их

снял известный фотограф. Но снял ли их он или это сделало воспитание, не позволившее отказать в такой просьбе? Фактически, принужденный обстоятельствами (воспитанием, этикетом, образом себя) он решил нажать на кнопку, кадрировал же прежде. А если принужденный обстоятельствами человек нажимает на курок? Вопрос не столь прост и легковесен, не столь анекдотичен, как это может показаться вначале. Это вопрос об ответственности куратора. Выстави эту фотографию, мы бы увидели неизвестного Мохорева?

Валерий Савчук: У тебя, Гульнара, требования по гамбургскому счету. Бориса Смелова знают не только в фотографическом сообществе, его знают все: и художники, и искусствоведы, и люди интересующиеся искусством. Но входящим в жизнь современным молодым людям и даже фотографам он, скажем деликатно, известен мало. Ведь до сих пор нет ни хорошего, достойного его уровня фотоальбома, ни исследовательского труда о его творчестве. Поэтому возбужденные разговоры и обсуждения после *этой* выставки возможно оправдывают ее проведение. Выставка напоминает ситуацию «стрижки наголо» девушки, после чего все говорят ей, что у нее же «были такие хорошие волосы». Не сняв их, этого, быть может, она и не услышала этих комплиментов никогда. К Смелову это относится непосредственно. Сколько слышал возгласов: «Смелов же прекрасный фотограф», а здесь ...

Выставку оправдывает не только это, но и энтузиазм, реактивность и реализованность. Мало ли у кого какие идеи. А Вальран берет и делает. Не все же выставки должны быть концептуальные. Есть место в современном искусстве и тематическим: «Красное в искусстве», «Круглые картины», «Коллаж» и т.д.

Вальран — Цицерон наших дней. Он успевает столько, что другим хватило бы на три жизни (ты забыла упомянуть, что он еще и фотограф, имеющий персональные выставки).

Ну а то, что у некоторых фотографий Смелова нет подписей, так это не великая беда, по крайней мере — в галерейной практике не редкость. Да и выставки, организуемые Вальраном меньше всего напоминают

формализованный архивно-искусствоведческий отчет со строгой хронологией, чинным этикетажем, развернутым текстом куратора. Посмотри фото галерея Ars Magna в последних выставках делает это своей идеологией. И не вина здесь Вальрана, это общая беда всего процесса репрезентации актуального искусства в Петербурге. (замечу не только. Так известная и уважаемая куратор Ирина Чмырева подготовила, наконец-то, первую персональную выставку Николая Кулебякина «Фотографии» в Петербурге (с 13.10 – 10.11.06 Музей фотографии)). Но и здесь повсеместно отдельные фотографии «Из серии». Музейный этикетаж с необходимостью становится нормой в рыночных условиях. Но поскольку полноценного рынка, равно как и кураторов нет, то кто же будет делать «лишнюю» работу? Вести каталог, дать один раз и навсегда название и не изменять его на других выставках — кропотливый труд. И если есть возможность – его избегают. А поскольку выставки на самообслуживании: фотограф если не себе куратор, то из своих же фотографов, а галеристы не принуждены рынком, то атрибуция и этикетаж есть то, что они есть. И Вальран здесь не худший.

Винтаж, не винтаж. Если бы отпечатки были качественными, то я бы смирился с этим, хотя и соглашусь, что утрата подлинности ведет к утрате столь же неопределенной, сколь и реально присутствующей или отсутствующей аурой. В служебных помещениях галереи «Борей» у ее директора Татьяны Пономаренко есть две, подаренные Смеловым работы. Всегда радуюсь, встречая их там. Их качество ни у кого не вызывает сомнений в подлинности.

Ну да, магазин не музей, он может торговать всем, но в том числе и подлинниками авторских работ. Разве нет?

А что касается нежелания знать *неизвестного* известного Смелова, то соглашусь. Но и здесь есть своя положительная сторона. Занижая статус фотографа слабыми (пробными, рабочими) отпечатками, мы можем получить ситуацию, когда и настоящие, автором признанные работы снизятся в цене и, поэтому, их смогут купить не только западные коллекционеры и отечественные нувориши, но и подлинные любители и начинающие коллекционеры.

Об этических вопросах, можно поговорить всегда и на любой выставке. Где, например, письменное согласие человека, который

запечатлен на карточке? Согласен ли он? Мера обнажения? Трансляция негативных состояний? Насилие?

Перефразирую Н. Г. Чернышевского: это не выставка плоха, а условия существования актуального искусства в целом и фотографии в частности в Петербурге делают ее таковой.